

рѣшенная въ пантеистическомъ смыслѣ, не будетъ тревожить меня. Но если мнѣ дорого другое существо, то дорого въ немъ не то безличное, общечеловѣческое, что есть въ немъ, а оно все цѣликомъ, во всей неуловимой, неизъяснимой прелести своей индивидуальности, во всей зовущей тайнѣ своей своеобразной, единственной и неповторимой личности. Сердце мое съ неискоренимой мистической устойчивостью тоскуетъ именно объ индивидуальномъ безсмертіи, именно о воскресеніи полнаго человѣка, и до чего же нужно было быть погруженнымъ въ себя, въ свою душевную жизнь, чтобы писать, какъ это писалъ Толстой, что воскресеніе плоти есть грубое, дикое представленіе! До кого дошла эта дивная вѣсть, драгоцѣннѣйшее обѣщаніе Спасителя, тотъ пойметъ его правду по той мистической тоскѣ о вѣчной жизни, которая загорается въ насъ неугасимымъ огнемъ при смерти дорогого и близкаго намъ существа.

Ученіе объ индивидуальномъ безсмертіи, о воскресеніи плоти—это дивное Откровеніе, наполняющее невыразимой радостью насъ всѣхъ, когда слышимъ мы ликующее „Христось Воскресъ“!—есть неизъяснимо глубокое ученіе. Въ немъ ключъ ко всей метафизикѣ міра, въ немъ разрѣшеніе всѣхъ проблемъ,—и какой поэтому бѣдностью мистической жизни, бѣдностью философскаго чутья вѣтъ съ тѣхъ страницъ Толстого, гдѣ онъ, правда не безъ вздоховъ грусти, отказывается отъ вѣсти о воскресеніи плоти! Признать его Толстой не могъ потому, что оно не было, да и не могло быть пережито въ его мистическомъ опытѣ,—и хотя есть много, много данныхъ въ защиту индивидуальнаго безсмертія, но какъ живой фактъ оно раскрывается лишь въ церковномъ общеніи: воскресеніе плоти есть Откровеніе, а живая реальность его усваивается лишь живущими въ Церкви (вспомните: „Воскресеніе Христово *видѣше*...“).

Толстой въ сущности не разъ сознавалъ, что отрицать индивидуальное безсмертіе нѣтъ основанія, но и признать его ему мѣшало—да простится это слово о покойномъ—гордость, нежеланіе отказаться отъ узости и внять Откровенію. Если къ этому присоединить односторонность его мистической жизни, мало дававшей мѣста голосу сердца, то будетъ понятно, что единственная позиція, на которую могъ стать Толстой, когда въ немъ заколебался пантеистическій взглядъ на человѣка, былъ агностицизмъ. Уже въ пре-